

ПРАВИЛА ЧЁРНОГО ДРАКОНА

Виктор Алеветдинов

СЛЕД ТИГРА

В ЗЕРКАЛЬНОМ СЛОЕ

18+

Городское фэнтези, техно-мистика

Виктор Алеветдинов

След тигра в зеркальном слое

«Автор»

2025

Алеветдинов В.

След тигра в зеркальном слое / В. Алеветдинов — «Автор», 2025

"След тигра в зеркальном слое" в жанре Городское фэнтези, техно-мистика. След тигровой лапы на снегу давно научились считывать камеры и алгоритмы Белого регистра. Но что делать, если тот же след появляется в «зеркальном слое» — там, где система считает не только зверей, но и долги людей, их страхи и неверные шаги? Охотовед Егор привык иметь дело с живыми амурскими тиграми, выходящими к посёлкам вокруг Хабаровска. Некрасовка, Бычиха, Черная Речка — на карте Белого регистра это лишь точки риска, пока один и тот же тигр не начинает вести Егора по траектории, совпадающей с линиями Зеркального Хабаровска и тенью Чёрного дракона Амура. «След тигра в зеркальном слое» — самостоятельный мистический урбан-фэнтези проект во вселенной проекта «Правила Чёрного дракона», перекликающийся по атмосфере путешествий, рек и эмоциональных карт с проектом «Ветры настроения».

© Алеветдинов В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1. Город, куда приходят тигры	5
Часть 2. Город, который видят тигры	13
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Виктор Алеветдинов

След тигра в зеркальном слое

Часть 1. Город, куда приходят тигры

Фары резали тёмный воздух, будто кого-то искали. Егор вел служебную «буханку» вдоль пустой трассы на Некрасовку, слушал хриплый голос дежурного в рации и машинально поглядывал на планшет с картой.

По экрану медленно ползала жёлтая линия – его маршрут. Поверх неё тонкими белыми сегментами шёл другой след, помеченный пиктограммой тигра. Алгоритм Белого регистра заранее просчитал, где зверь перейдет дорогу, где может выйти к дворам. Прогноз конфликта – 0,78. Тревога – красная.

– Егор, там уже участковый, – сказал дежурный. – Люди на уши встали. Ты как?

– Десять минут, – ответил он. – Пускай собак убирают в дома. И никому в лес не лезть.

Он выключил рацию. За стеклом, по обочинам, мелькали заснеженные кусты, редкие огоньки дачных участков. В салоне тихо гудела печка. Запах бензина, мокрой одежды и чего-то лёгкого, елового, как всегда, вызывал у него странное спокойствие.

Тигр, по данным регистра, шёл параллельно трассе, чуть в стороне, среди старых посадок. Скорость – медленная, почти прогулочная. Животное не спешило, но и не возвращалось в тайгу.

Егор поймал себя на том, что снова считает: третий вызов за месяц. Некрасовка, Черная Речка, Бычиха... Всё ближе к самому Хабаровску. И всё один и тот же рисунок: ночные забеги, пропавшие собаки, встревоженные голоса в трубке.

Посёлок вспыхнул впереди оранжевым ореолом. Лампы над трассой, далеко слева – жёлтые окна многоэтажек, уже город. Меж ними, как полоска темноты, лежала деревня, в которой сегодня было слишком шумно.

У поворота его уже ждали.

Мигая синим, стояла машина ДПС. На обочине человек в чёрной куртке махнул ему фонарём. Егор остановился, вылез, вдохнул морозный воздух. Снег под ногами хрустнул, воздух обжёг лёгкие, унося остатки сонливости.

– Допрыгались, – сказал участковый, молодой, с красным носом. – Вон, посмотри.

Он перевёл луч фонаря на асфальт. Поперёк дороги, из темноты посадки к обочине и дальше, к поселку, шли крупные отпечатки. Круглые, глубокие, с чёткими подушечками. Снег в них чуть припорошен, но края ещё четкие.

Тигр прошёл здесь недавно.

– Людей не трогал? – спросил Егор, наклоняясь.

– Пока нет. Одну собаку утащил, говорят. На видео снимали, – участковый сунул ему телефон. – Слишком близко. Прямо по улице Фабричной шёл.

Егор взял аппарат. На экране дрожало ночное видео: жёлтое пятно фонаря, голос за кадром, маты. И вдруг – корпус тигра, тяжёлый, полосатый, пересекает кадр у самых домов. Холодный блеск глаз, хвост, плавное движение.

Он заметил другое. На секунду, когда зверь проходил мимо бетонного столба, картинка рванулась, будто кто-то зацепил плёнку. Фон распался на ломкие квадраты, там, где должны быть дома, возникли чужие, стеклянные, более высокие силуэты. Поверх лап тигра промелькнуло тусклое свечение белых линий, явившихся в виде сетки, а затем всё вернулось в норму.

– Стопни, – попросил он.

Участковый послушно ткнул в экран, промотал назад. Но на паузе ничего странного не было. Тигр, столб, темнота, дома. Никаких стеклянных башен.

– Лагает, – сказал молодой. – Связь тут так себе.

Егор вернул телефон.

– Людей по домам загоните. И скажи всем, чтобы к посадке не шастали. Где хозяин собаки?

– Там, у магазина, орёт. Я его от трупа еле оттащил.

Егор не ответил. Планшет в его руке коротко завибрировал. На карте вспыхнула новая точка – в ста метрах от них, в глубине. Система подтвердила: тигр ещё в зоне, идёт в сторону Амура.

Он включил фонарь, поправил ремень с ракетницей, постучал по тёплому борту машины, как по живому. Потом шагнул вслед за глубокими следами, уходящими в темноту.

***

Лес начался быстро. От последних домиков, где ещё слышались голоса и лай, до полосы чёрных стволов было меньше десятка шагов. Там, между тонких стволов, снег лежал плотным ковром, а тишина казалась чужой, будто кто-то выкрутил звук.

Егор внимательно смотрел под ноги. Следы шли уверенно, не метались. Тигр не бегал, не рыскал. Просто шёл своим ходом, раз за разом перенося вес с лапы на лапу. Снег в отпечатках был чуть влажным, с рыжими волосками.

Он уже знал это ощущение. За последние годы эти дорожки стали частью его работы не меньше, чем отчёты или телефонные звонки.

Бычиха вспомнилась сама собой. Тогда было лето, жара, гнус и пыль вместо снега. Вокруг дачи с виноградниками, в канавах – сухие корни, лебеда. Собаки исчезали одна за другой. Сначала у забора, потом прямо со дворов. Люди звонили в охотуправление, ругались, требовали «сделать хоть что-нибудь».

Он приехал туда днём. Прошёл по огородам. Видел, как на верёвках болтаются пустые ошейники, как старуха у калитки перекрестила воздух, увидев его служебную форму. Нашёл место, где хищник тащил добычу: вытопанные сорняки, клочья шерсти, тёмные пятна на земле. Поставил фотоловушки, предупредил: не отпускать собак, не идти по следу, если что-то случится.

Ночью тигр снялся камерой. Огромный, полосатый, уверенный. На видео он проходил вдоль забора, почти не оглядываясь. Потом поднял голову, посмотрел прямо в объектив. В тот момент Егор ощутил, как кожа на руках покрылась мурашками, хотя сидел в кабинете под кондиционером.

Потом он отбросил ощущение, списал на усталость. Но тогда, в замедленном просмотре, фон тоже странно дрожал. За дачами на кадре на миг обозначились какие-то чужие здания, будто в бока картинке влез другой город. Он остановил воспроизведение, уставился на пиксели, увеличил... и увидел лишь рябь компрессии.

С тех пор в каждой новой истории с тиграми у пригородов в нём жила тонкая заноза. Что-то не только про зверей. Что-то про то, как меняется сам город вокруг них.

Следы вывели его на просеку. Ветер усилился, снег зашуршал по куртке. Вдалеке, за деревьями, уже просматривался просвет – широкая белая полоса, в которой угадывалась замёрзшая пойма и дальше – тёмный горизонт Амура.

Планшет пикнул. Маркер тигра остановился почти там же.

Егор выключил фонарь, чтобы не светиться лишний раз, и пошёл дальше, полагаясь на ночной снеговой свет.

Тигра он услышал раньше, чем увидел.

Спереди раздался тяжёлый, но короткий звук – будто кто-то резко выдохнул. Потом лёгкий треск корки и тишина. Егор остановился, присел, прикрыл ладонью лицо, чтобы не слепил белый снег. Дал глазам привыкнуть.

Слева, на краю просеки, рядом с кустами, выделялась тёмная масса. Сначала просто пятно. Потом – тело. Широкая грудь, мощные плечи, голова. Тигр стоял боком, повернувшись к Амурской пойме. Его уса́тый профиль и длинный хвост были отчётливы в мягком свете.

Расстояние было небольшим, метров тридцать. Зверь видел его, он это чувствовал. Но тигр не шевелился. Только уши улавливали звуки.

Егор медленно выдохнул. Его рука сама нашла рукоять ракетницы. Он уже сотни раз объяснял людям: не бегать, не кричать, не пытаться «наказать зверя за собаку». Сам теперь должен был вести себя так же. Тихое присутствие. Отступление, не провоцируя нападения.

И всё равно в груди было нелегко. Он видел перед глазами того самого пенсионера, который пошёл за своей собакой в лес и не вернулся. Видел отчёт по Солонцовому – лесоруба, покинувшего кабину грузовика на минуту, чтобы накинуть цепи, и чья голова потом так и не нашлась. Рабочие отчёты уж слишком живо встали сейчас рядом с полосатой тенью в снегу.

– Тихо, полосатый, – почти беззвучно сказал он.

Тигр повёл головой, словно прислушался к человеческому голосу. Его зрачки отразили далёкий жёлтый огонь посёлка, от которого тянулся к небу мутный столб света.

И в этот момент снег под лапами зверя на секунду засветился. Не ярко, а легким, белым контуром, как если бы кто-то поверх реальности прорисовал цифровую сетку. По спине тигра прошёл еле заметный отблеск – не солнечный, не от фонаря: линии, повторяющие полосы, но из точек, будто из кода.

Егор моргнул. Сетка исчезла. Перед ним стоял просто крупный амурский тигр, с тяжёлой грудью, с шрамом на лапе, с тусклой зимней шерстью. Всё обычное. Всё по учебнику.

Он медленно поднял ракетницу, отвёл её немного в сторону, вверх. Нажал курок.

В чёрное небо улетела красная искра, рассыпалась над просекой огненным цветком. Порыв ветра донёс запах пороха. Тигр дёрнул ухом, коротко рыкнул – глухо, недовольно – и плавно развернулся. Пар из пасти смешался с дымом, хвост описал дугу.

Зверь ушёл к пойме, к белому полю, где при ледоходе бывают промоины, а сейчас всё казалось монолитным. Его полосатая спина быстро растворилась среди серых стволов.

Егор постоял ещё немного. Снял перчатку, коснулся ближайшего отпечатка лапы. Теплоты в нём уже не было. Только влажный снег и жёсткая шерсть, оставшаяся на кромке следа.

Он включил фонарь и пошёл обратно, чувствуя, как в спине ещё некоторое время шевелится взгляд, хотя тигр был уже далеко.

***

В кабинете на улице Тургенева пахло бумагой, сырым деревом и чёрным кофе. За окном бежала просоленная слякоть, по Амурскому мосту тянулся плотный поток фар. На стене напротив Егор прикрепил карту – распечатанный спутниковый снимок Хабаровского района, разрисованный цветными отметками.

Жёлтые стикеры – Новостройки на окраине, Некрасовка, Казакевичево, Черная Речка, Бычиха. Красные крестики – Обор, Солонцовый, Лермонтовка. Под некоторыми датами было ещё по две-три маленькие цифры – количество собак, коз, потерянных в том сезоне.

Он отвел взгляд от карты, сел за стол и включил монитор. Система Белого регистра встретила его привычным, мягко мерцающим интерфейсом. Логотип – стилизованная чешуя дракона, собранная из множества маленьких прямоугольников. Под ним – массив вкладок: «Миграция», «Конфликтные точки», «События», «Рекомендации».

Егор щёлкнул «События». На экране уплотнилась вереница записей. Сводки за последние два года, о которых он вчера рассказывал по телефону одному журналисту, теперь расположились в строгую колонку:

«Некрасовка. Выход тигра к улице Фабричной. Пропажа собаки.»

«Казакевичево. Нападение тигра на собаку у КПП. Разрешение на отлов.»

«Черная Речка. Многократные выходы тигра на окраины, визуальный контакт с людьми.»

«Бычиха. Серия пропаж собак, следы тигра у дачных участков.»

Ниже – более тяжёлые случаи, уже с пометкой «Жертва человек».

Он щёлкнул на казакевичевскую запись. Экран разделился на три части: карта, текст, статистика. Белый регистр показывал процент вероятности повторных выходов, рекомендованные меры, связь с соседними районами.

На карте вспыхнули кружки. Они плавно соединились тонкими линиями, образовав причудливый рисунок вокруг Хабаровска. Сначала Егор видел в нём привычный «кошель» – это охотники называли так ломаную линию делян. Но чем дальше он смотрел, тем ощутимее становилось другое: контуры чем-то напоминали звериный силуэт. Нечёткий, но узнаваемый – вытянутое тело, хвост, даже голову, уткнувшуюся в район Некрасовки.

Он откинулся на стул, потёр лицо.

– Опять ты рисуешь зверей из точек? – тихий голос вывел его из задумчивости.

У дверей стояла Лена, невысокая девушка в шерстяном свитере, с ноутбуком под мышкой. Она работала в центре по договору, занималась аналитикой спутниковых снимков и шумных данных, которые Белый регистр не успевал переваривать сам.

– Я вижу карту, – сказал Егор. – Ты – что?

– Я вижу, как ты на неё смотришь, – она усмехнулась, пересела ближе и наклонилась к экрану. – М-м... Красивая визуализация. Но если честно, любой паттерн можно увидеть, если долго сидеть без сна.

– Это ты без сна? – он покосился на её глаза с лёгкими синеватыми кругами. – Я хотя бы из дома иногда выезжаю.

Она пожала плечами.

– Мне мои тигры нравятся на снимках. Твои – на лапах. Расскажешь, как там у Некрасовки?

Он коротко описал ночь: следы, посадка, тигр на просеке, ракетница. Умолчал только о белой сетке на снегу. Сколько раз же это было уже? И каждый раз, когда он пытался сказать вслух, слова казались слишком странными.

Лена слушала внимательно, иногда делая пометки.

– Регистру подал отчёт? – спросила она.

– Сейчас дописываю.

– Давай гляну потом. Москвичи снова требуют «максимальной прозрачности» по конфликтным случаям. У них там, говорят, ЛОР-модель учат на наших данных. Всякие модные штуки. Чем больше подробностей, тем им веселее.

Егор поморщился.

– А на улице веселее не становится.

Она вздохнула.

– Зато алгоритмы лучше понимают, где просчитать риск. Всё-таки меньше трагедий, чем могли бы быть.

Он вспомнил зимнюю поездку в Лазо. Бесконечный лес, грубые мужики, молчаливые, пока вытаскивали останки коллеги. Длинный мешок на снегу. Местный лесничий, который говорил тихо, но очень жёстко:

«Раньше плохо было, когда зверя почти не осталось. Сейчас плохо примерно так же, только по-другому. Мы влезли в лес, а лес влез в нас».

– Ты чего? – Лена тронула его за рукав. – Опять засел?

– Надо пробить ещё одну штуку, – сказал он. – По прошлогодним случаям. Ты можешь выгрузить сырой трек того тигра из Лермонтовки? Мне кажется, он связан с нынешним.

Она кивнула.

– К вечеру подкину. Но тебе бы отдохнуть. Ты ведь летом тоже без отпусков – то Бычиха, то эти дачи... Скоро Белый регистр начнёт выдавать рекомендацию «Егору спать не меньше семи часов».

Он не стал улыбаться, хотя фраза была почти смешной.

– Если регистр начнёт следить за моим сном, – сказал он, – я первым делом пойду и отрублю ему пару серверов.

– Не успеешь, – Лена снова усмехнулась, собирая ноутбук. – Он тебя раньше отключит.

Она ушла, оставив в воздухе лёгкий запах кофе и дешёвых духов. Егор ещё немного посидел, слушая гул вентиляции и отдалённые голоса коллег за стенкой. Потом открыл вкладку «Прогнозы».

Сетка района опять загорелась точками. Зеленоватые – обычные перемещения. Жёлтые – потенциальные контакты с населёнными пунктами. Одна точка, на юго-западе от города, к утру стала медленно менять цвет. Сначала она была светло-жёлтой. Потом – более насыщенной.

«Прогнозируемый выход тигра к населённому пункту. Время: 18:47. Зона: Черная Речка».

Он посмотрел на часы. Было половина четвёртого.

***

К вечеру небо потемнело, хотя снег не начался. Просто плотная серая вуаль села на город, на Амур, на дальние сопки. Вода под ледяным панцирем тихо шуршала, когда он выехал на набережную, чтобы взглянуть на реку, как это часто делал перед тяжёлыми выездами.

Амур лежал чёрно-белой полосой между городом и тёмной далью. Вдали, на противоположном берегу, едва угадывались огни – китайский берег, чужой, но привычный. Там жили другие люди, ходили свои патрули, и свои камеры писали в свои базы данных.

Егор остановился у парапета, выключил двигатель и вышел. Лёд под ним ухнул, но выдержал. Снег под ботинками был влажным, под ногами мелькали песчинки. Мелкий ветер тёр лицо и руки.

Он достал смартфон, подключил его к той же системе, что стояла в кабинете. Поле зрения экрана на мгновение заполнили серые квадраты. Потом проявилась карта города, тянущаяся вдоль реки. Верхний правый угол украшал знакомый символ Белого регистра.

Егор включил режим дополненной реальности. Смартфон поймал точку, привязался к координатам и оси. На слабо различимом силуэте набережной появились светящиеся контуры: серые громады домов, белые линии дорог, светящиеся кружки камер наблюдения.

И – маленькие значки тигров.

Они шли по тайге к северу и к югу, обозначенные простыми пиктограммами. Один – далеко к западу, где-то в Лазо. Второй – к Бикину. Третий – как раз там, где система утром отмечала Черную Речку. Его значок медленно тянулся к крохотному кружочку посёлка, словно кто-то невидимый вёл его по невидимой дорожке.

Егор поднял взгляд от экрана. В реальности над тайгой стояли только серые облака. Вдали, за рекой, горели огни чужого города.

Он опустил глаза. В дополненной картинке тонкие белые линии вдруг разошлись. На миг перед ним проявился силуэт другого города, поверх привычного. Более высокий, более плотный, с другим рисунком улиц. Возле китайского берега вспыхнули и потухли иероглифы. В центре нового силуэта что-то шевельнулось, словно дёрнулось мышечные связки.

Он моргнул. Изображение дёрнулось, вернулось к обычной карте.

Белый регистр выдал стандартное предупреждение:

«Режим визуализации “зеркальный слой” временно недоступен. Повторите попытку позже.»

Егор выключил режим, спрятал телефон. Слова «зеркальный слой» он видел уже не раз. Невидимой тонкой плёнкой они лежали теперь на любом разговоре о городе.

В первый раз он столкнулся с этим понятием год назад, когда приезжал в центр «Амурский тигр» на совещание. Тогда один из московских айтишников, худой парень с нервной улыбкой, рассказывал о том, как Белый регистр «читает» город одновременно в двух проекциях.

«Обычная – та, по которой ходят люди, – говорил он. – И зеркальная – та, по которой ходят долги. Считайте, что это карта привычек, страхов, желаний. На ней видны не только дороги, но и то, к чему всё идёт».

Егор тогда усмехнулся. Долги, желания, страхи. Ему было важнее знать, где именно завтра появится полосатая тень, и как сделать так, чтобы к ней не пошёл какой-нибудь герой за своей собакой.

Сейчас, глядя на огни на том берегу, он подумал, что, возможно, зря так быстро отмахнулся.

Телефон снова завибрировал. На этот раз – обычный звонок.

– Егор, – Ленин голос был более собранным, чем днём. – Я тебе трек из Лермонтовки скинула. И ещё кое-что заметила. У нас по данным регистра один и тот же тигр числился в нескольких точках одновременно.

– Бывает, когда камеры глючат, – сказал он.

– Не совсем. Тут страннее. Вчерашний из Некрасовки – по коду индивид совпадает с тем, что в прошлом году был в Лермонтовке. Но в те же часы, когда система видела его под Некрасовкой, в зеркальном слое он как будто проходил по другой траектории. Через город. Чуть ли не по набережной, рядом с тобой.

Егор перевёл взгляд на пустой лёд.

– В зеркальном слое? – повторил он.

– Угу. Я ещё раз перепроверю. Может, это экспериментальные настройки москвичи накатили, не предупредив. Но будь аккуратнее. Если алгоритм начинает путать треки, он может недооценить риск.

– Я и без него умею оценивать, – сказал он.

– Я знаю, – она смягчила голос. – Просто не геройствуй. Тигр тигром, а Белый регистр... В него иногда загружают вещи, о которых нас не всегда ставят в курс.

Он хотел спросить: какие именно. Но в трубке уже слышал короткий сигнал – Лена сбросила вызов, торопясь на очередной созвон с Москвой.

Егор ещё некоторое время стоял у парапета. Слушал слабый гул города за спиной и почти бесшумную пустоту под ногами, где толстый лёд прятал живую воду. Потом сел в машину и завёл мотор.

На панели мигнуло уведомление: «Время прибытия к Черной Речке – 18:39. Рекомендуется предупредить местные службы. Вероятность контакта – 0,82.»

Он нажал кнопку громкой связи, соединился с дежурной службой. Когда обменялись короткими фразами, машина уже выезжала на морозную, притемнённую трассу.

***

Черная Речка встретила его зелёными отсветами старых фонарей и запахом дымка. Деревянные дома, низкие, с забитыми окнами, притихли. Только возле магазина ещё стояли люди – тёмная группа у крыльца. Они смолкли, когда подкатил его УАЗик.

– Тигр опять? – спросил кто-то.

– Опять, – подтвердил Егор.

Ему навстречу вышел старик в ватнике.

– Мы собак уже позагоняли, – сказал он. – Сказали нам, не отпускать. Но люди волнуются. Дети в школе сидят, боятся домой идти.

– Дети пусть сидят в школе, пока мы не скажем, – ответил Егор. – Где видели зверя?

– Тут, за огородами. К реке тянулся. Там следы, – старик махнул рукой. – У нас-то река мелкая, а вон туда дальше уже в Амур выходит.

Егор кивнул. Взял фонарь, ракетницу, планшет. На экране белые линии уже аккуратно обрисовывали околицы. Значок тигра застыл у кромки маленькой речки, как будто зверь раздумывал.

Он пошёл за стариком. Люди расступились, давая дорогу. Кто-то крестился, кто-то шептал, кто-то держал на руках ребёнка, пытаясь не показывать собственного страха.

За домами открылась полоса огородов, за ними – тонкая тёмная лента воды. Снег был изрыт: человеческие следы вперемешку с звериными. Для любого другого глаз это была бы каша. Егор же умел выделять нужное.

Лапы тигра снова шли уверенно. К реке. А затем – вдоль.

Он краем глаза заметил свежие следы мужских ботинок, которые впивались в снег, уходя туда же. С тоской в животе он вспомнил предупреждения, которые повторял без конца: не идти за зверем, не пытаться его догнать.

– Кто сюда ходил? – спросил он.

Старик замялся.

– Петруха наш. У него коза пропала. Ночью шум был, собака завывала. Он утром пошёл, увидел, что тропа ушла к речке. Мы его отговорили, как могли, но он всё равно...

Слова утонули в тишине. Егор почувствовал, как внутри что-то сжалось.

– Где он?

– Не вернулся ещё. Часа два уж как.

Егор кивнул. Ускорил шаг.

По мере того, как он продвигался вдоль маленькой речушки, экран планшета время от времени вспыхивал уведомлениями. «Обнаружен возможный конфликт». «Уточняются координаты». «Рекомендуется отступление».

Он не отступал. Ветер усилился, деревья над головой зашуршали ветками. Вечерами здесь по-деревенски уютно: дым, лай, свет в окнах. Сейчас все казалось сжатыми, застывшими.

Через несколько минут он увидел его.

Петруха сидел на снегу у корней наклонённой ивы. Голова опущена, руки лежат на коленях. Взгляд – в пустоту, где лёд мелкой речки сменялся тёмной полосой кустов. На воротнике куртки – следы крови. Рядом – распоротый мешок, из которого на снег высыпались сухари и что-то ещё, что он хотел взять с собой, когда шёл следом.

Ямы от тигриных лап были вокруг, но крови было мало. Значит, хищник только ударил, а потом, почувствовав, что это не добыча, отступил. Человеческое тело не привлекло его дальше. Однако для этих двух часов тишины этого было достаточно.

Егор опустился на корточки, осторожно коснулся Петровых пальцев. Те были холодными, но не ледяными. Лицо – белёсое, губы чуть синели.

– Живой, – сказал он старикам, которые остановились метрах в десяти. – Скорую вызывайте. Возможно, сердце. Или просто страх прихватил.

Сзади послышался облегчённый шум. Кто-то рванулся к мужчине, но Егор поднял ладонь.

– Не трогайте его. Пускай врачи смотрят. И ещё раз всем: за зверем в лес не ходить. Даже если он козу вашу тащит. Не геройствуйте. Тигр не человек, у него свои счёты.

Он поднялся, взглянул на планшет. Значок полосатого, который только что был совсем рядом, медленно уходил вдоль маленькой речки к Амурской пойме. Линия трека чуть отклонялась в сторону. Там, на стыке воды и снега, виднелось что-то ещё.

Тонкая полоска, не обозначенная ни на одной карте. Белая, вертикальная, будто столб света.

Егор аннулировал уведомления. Выключил экран и вдруг почувствовал, как его собственная память подкидывает ему другие, не связанные со зверем, ощущения.

Через такую же полоску света когда-то, по рассказам, уходили в Зеркальный Хабаровск души тех, кого Белый регистр признавал должниками. Через такие же линии, только ни на одной человеческой карте не нарисованные, в город приходили иные сущности – те, чьи треки невозможно было измерить ни камерой, ни GPS.

Он встряхнул голову. Слишком много времени в компании и зверей, и алгоритмов. Можно и впрямь начать видеть линии, которых нет.

Или те, которые есть, но не для всех.

***

Когда он отдал Петра медикам и вернулся к машине, небо заметно потемнело. Луна ещё не показалась, звёзд тоже не было видно. Над городом висела плотная, равномерная серая масса.

Салон встретил его привычной теснотой и запахом. Он включил печку, на секунду закрыл глаза. В голове гулко отдавались обрывки чужих голосов: «сделайте хоть что-нибудь», «у нас дети», «вы их там бережете, а нас кто беречь будет».

Телефон мигнул.

Сообщение от неизвестного контакта, который Белый регистр раньше показывал только в служебных чатах: «Белый регистр. Системное уведомление».

Он открыл.

«Егор Савельев. Обнаружено отклонение личного маршрута от рекомендованной траектории безопасности. Рекомендуется возвращение в безопасную зону. Уровень нагрузки: высокий. Вероятность ошибок восприятия: повышена.»

Он покачал головой. Ему впервые приходилось читать подобное, адресованное не посёлку, не маршруту тигра, а ему самому.

– Спасибо, – сказал он в пустоту. – Буду иметь в виду.

На секунду экран будто бы мигнул. В тёмном стекле отразился его собственный силуэт, а за ним – что-то полосатое, крупное, с светящимися глазами. Это длилось долю мгновения. Он резко обернулся.

За стеклом, у забора, никакого тигра не было. Только мокрый снег, тёмные стволы, редкий свет в окнах.

Впрочем, дыхание тяжелого зверя он всё равно словно слышал. Не ушами, а где-то под кожей.

Он выдохнул, включил фары и вывел машину на дорогу. Над трассой тускло светились фонари, вдалеке темнели полосы леса. Белый регистр тихо гудел в недрах телефона, фиксируя каждый поворот, каждый тормозной путь.

Город, куда приходили тигры, не спал. И кто-то, кроме людей, смотрел на него из-под тёмных елей и из-за мутных экранов сразу в двух слоях – обычном и зеркальном.

Он ещё не знал, что следующая встреча уже не позволит развести эти слои по разные стороны стекла.

Часть 2. Город, который видят тигры

В квартире было тихо. Только холодильник поскрипывал в углу и за стеной кто-то перебирал посуду. Егор сидел на кухне, не включая основной свет. На столе горела одна лампа, её жёлтый круг обрисовывал ноутбук, кружку и раскрытый блокнот.

На экране – таблица из Белого регистра. В каждой строке дата, место, код события и короткая строка комментария. Некрасовка. Казакевичево. Черная Речка. Лермонтовка. Рядом – идентификатор тигра: Т-247.

Тот же самый.

Егор прокрутил список ещё раз. Лермонтовка – прошлый год, серия выходов к домам, нападения на собак. Тогда зверя отловили, увезли в реабилитационный центр. Так записано в отчёте. В этом году тот же код индивида почему-то всплыл под Некрасовкой и Черной Речкой. В базе не может быть такой путаницы.

Он открыл видео из Лермонтовки. Ночная улица, снег, жёлтые огни. По дороге спокойно идёт тигр, уходит за сараи, останавливается, поворачивает голову к камере. Всё знакомо до мелочей. Даже шрам на передней лапе тот же, что он заметил у зверя на просеке под Некрасовкой.

Когда Егор поставил паузу, кадр чуть дрогнул. На мгновение, пока картинка стояла, срубы старых домов за спиной тигра сменились гладкими фасадами. Вместо деревянных сараев проступили стекло и металл. На фоне мелькнуло что-то похожее на знак, напоминающий драконью чешую, из линий и точек.

Он сжал виски пальцами, моргнул, перемотал назад. На паузе снова возник обычный двор. Никаких высоток. Никаких знаков.

– Переутомление, Савельев, – сказал он себе.

Но рука сама потянулась к кружке. Кофе остыл, на языке осталась горечь.

Телефон на столе завибрировал. Он взял его, посмотрел на номер. Незнакомый московский код.

– Слушаю, – сказал он.

– Добрый вечер, Егор Сергеевич, – голос был ровный, без интонаций, будто звучал через фильтр. – Центр Белого регистра, отдел управления рисками. Звоню по поводу вашего события Т-247.

– Слушаю.

– По итогам анализа данных за последние двенадцать месяцев нашими моделями принято решение о переводе индивида Т-247 в статус подлежащего изъятию, – продолжил голос. – Коэффициент конфликтности превышает порог. Отработаны сценарии. Вам направлена директива и протокол.

Егор почувствовал, как у него внутри что-то слегка сжалось. Слово «изъятие» в этой системе означало не только отлов.

– Уточните формулировку, – сказал он. – Речь о реабилитации и переносе в центр или...

– В первую очередь – о гуманном отлове и транспортировке, – голос не изменился. – При отсутствии технической возможности и при возникновении непосредственной угрозы жизни граждан допускается ликвидация. В протоколе указано: привлечение местной группы и выезд мобильной бригады из Владивостока. Контактное лицо – капитан Кудрявцев. Согласуйте место и время.

– Вы уверены, что это тот же индивид, что был в Лермонтовке? – спросил Егор. – У нас в базе стоит, что его уже увезли.

– Сведения обновлены, – ответили ему. – В ходе верификации выяснилось, что ранее произошла ошибка сопоставления данных. Исправленная версия загружена в систему. Пожалуйста, пользуйтесь актуальными параметрами.

Егор смотрел на строку с кодом Т-247 и думал о том, как тигр вчера стоял на просеке, смотрел в сторону Амура и не рвался к посёлку. По человеческим меркам его поведение было спокойным. По машинным – слишком близко к домам.

– Протокол я изучу, – сказал он. – Но решение об отлове в поле всё равно принимает группа на месте. Без вас, из Москвы.

На том конце полосы связи повисла короткая пауза.

– Разумеется, – ответил голос. – Однако статистика показывает, что следование рекомендациям Белого регистра снижает количество трагических исходов. Надеемся на сотрудничество.

Связь оборвалась. Егор ещё мгновение смотрел на потухший экран телефона, потом отложил его и закрыл глаза.

В голове всплыл Амур в вечерних огнях. Белые линии на карте, которые вдруг складываются в иное изображение. Он вспомнил, как сегодня система отправила ему личное уведомление, назвав его отклонение от «рекомендованной траектории» риском.

Белый регистр уже давно считал не только зверей.

Он открыл блокнот. На чистой странице написал: «Т-247. Лермонтовка – Некрасовка – Черная Речка. Зеркальный слой? Ошибка базы или намеренный перенос?» Ниже добавил: «Директива изъятия. Группа из Владивостока. Кудрявцев».

С каждой новой строкой ощущение, что он сидит где-то между двумя сетками – охотничьей и цифровой – становилось плотнее.

***

Утром в центре было оживлённо. По коридору таскали ящики с оборудованием, кто-то ругался в телефоне, из комнаты совещаний доносился гул голосов. Егор бросил взгляд на часы: до прилёта мобильной группы оставалось меньше часа.

Лена сидела у своего рабочего стола, согнувшись над двумя мониторами сразу. На одном – спутниковые снимки Хабаровского края: зелёные массивы тайги, белые проплешины просек, нитки дорог. На другом – интерфейс Белого регистра.

– Тебя уже поставили в курс? – спросил он, подходя.

– Про Т-247? – она не отрываясь от экрана сделала пару быстрых кликов. – Конечно. У нас тут волосы дыбом. Алгоритм поднял тревогу, Москва включила протокол. Ты видел, кто к нам летит?

– Какой-то Кудрявцев.

– Это «тигровая» группа, – сказала Лена. – Отдельное подразделение. Они обычно выезжают, когда уже всё плохо. Или, когда хотят показать, что контролируют ситуацию.

– Прекрасно, – сказал Егор.

Он сел на соседний стул.

– Я вчера смотрел сырые треки по Лермонтовке и Некрасовке. Есть странность. В обычном слое индивид идёт своим ходом. А в зеркальном – его траектория проходит через город. Чуть ли не по набережной. И в некоторые моменты, когда я был на выезде, его символ в зеркале совпадал по координатам со мной.

Лена наконец отвела взгляд от монитора и посмотрела на него.

– Ты уверен, что хочешь это обсуждать вслух? – спросила она.

– А почему нет?

– Потому что зеркальный слой – это уже не только наша тайга, – она понизила голос. – Там крутятся ещё долговые карты, транзакции, рейтинги. Всё, что Белый регистр собирает о

людях и компаниях. Он строит связи. И если он начинает связывать твой маршрут с маршрутом тигра... я не знаю, что это значит. Но мне не нравится.

– Мне тоже, – сказал Егор. – Однако отмахнуться не получится. Ночью на видео снова было что-то чужое. Фон переключается. Дома исчезают, появляются другие. Будто картинка перескакивает между городами.

Лена немного помолчала.

– Я нашла одну любопытную вещь, – сказала она. – Когда сопоставляла случаи по Т-247, заметила, что рядом с каждым из конфликтов в зеркальном слое активизировались кластеры связей. В Лермонтовке – вокруг счета местного лесопромышленника. В Бычихе – вокруг дачного кооператива, который боролся за перевод участка под застройку. В Некрасовке система подсветила целый пакет договоров на расширение трассы и выкуп просек. Белый регистр помечает эти места как «узлы долгов».

– Ты хочешь сказать, что тигр ходит по чужим долгам? – спросил он.

– Я хочу сказать, что алгоритм их так видит, – ответила Лена. – Может, это простое совпадение. А может, он подсознательно тянет такие события в одну корзину. И там, где набирается критическая масса напряжения, он перестаёт различать, кто куда идёт. Тигр, человек, деньги, дерево. Всё сводится в одну схему.

– А потом он решает, кого из этой схемы убрать, – тихо произнёс Егор.

Лена пожалала плечами.

– Официально – он только прогнозирует. А решения принимают люди. Такие, как ты. Такие, как Кудрявцев.

В дверях показался высокий мужчина в тёмной форме с нашивкой МЧС и ещё одной – с мордой тигра и надписью «Оперативная группа». За ним – двое в камуфляже с чехлами от винтовок, ещё один с кейсом.

– Савельев? – спросил мужчина. – Я – Кудрявцев. Давайте знакомиться на ходу. Времени мало.

Егор поднялся.

– Пошли в переговорную, – сказал он. – По дороге покажу карту.

***

В переговорной пахло кофе и влажными куртками. На стене висел большой экран. Егор включил на нём карту, вывел трек Т-247. Белые точки, соединённые линией, образовали петлю вокруг города.

– Вот его последние перемещения, – сказал Егор. – Лермонтовка, потом большой перерыв, потом Бычиха и дачные массивы, теперь Некрасовка и Черная Речка. Он держится вдоль Амура, выскакивает к посёлкам, берёт собак, коз, уходит обратно.

Кудрявцев стоял чуть в стороне, скрестив руки, и внимательно смотрел на карту. Лицо у него было спокойное, без эмоций.

– Сколько случаев контакта с людьми? – спросил он.

– Прямых атак мало, – ответил Егор. – Два тяжёлых эпизода в районе Лазо и Солонцового не факт, что этот же индивид. По нашим меткам – другие. По регистрационным данным – модель пытается их объединить. Я бы так далеко не заходил.

– База видит иначе, – сказал один из его бойцов, невысокий, с резкими движениями. – Для нас главное – не спорить с цифрами, а предотвратить следующую жертву.

Егор почувствовал, как внутри поднимается раздражение. Он усмирил его.

– Цифры полезны, когда их понимают, – сказал он спокойно. – Но в поле всё равно вы будете видеть не график, а живое животное. И живых людей вокруг. Нам нужно действовать аккуратно. Иначе вы получите крики по телевизору, что «убили последнего тигра», а я – разбитые окна в кабинете.

Кудрявцев чуть усмехнулся.

– Я здесь не первый год, – сказал он. – Знаю, как это выглядит на экране и на снегу. План такой. Белый регистр уже просчитал нам вероятный маршрут зверя на ближайшие сутки. Мы выставляем точки перехвата. Наша задача – вывести его к удобному месту и усыпить. Если что-то пойдёт не так, и будет риск для людей, – он посмотрел Егору прямо в глаза, – тогда решаем по обстановке.

– Удобное место – это где? – спросил Егор.

– Белый регистр предлагает участок у Бычихи, – вмешалась Лена, показывая на карте светящееся кольцо. – Там пересечение его возможных маршрутов, лесная кромка и небольшие овраги, где можно спрятать технику. Но там же недавно был конфликт с дачниками. Они нервные.

– Мы с ними поговорим, – сказал Кудрявцев. – Они не в первый раз нас видят. Главное, чтобы ты, Савельев, был с нами. Ты знаешь его повадки. Ты будешь глазами.

Егор почувствовал, как на него ложится эта роль. Внутри всё уже приняло решение, хотя вслух он ещё ничего не сказал.

– Я поеду, – ответил он. – Но предупреждаю сразу: если увижу шанс обойтись без крови, я буду за него цепляться.

– Мы не монстры, – сказал Кудрявцев. – Нам тоже проще отчитаться об успешном отлове, чем о ликвидации. Работай с нами, а не против.

С этими словами он развернулся к своим.

Егор поймал взгляд Лены. В нём было больше, чем тревога. Там было ещё и молчаливое ожидание: что он сделает, когда окажется между тигром и системой.

***

Погода к вечеру сменилась. Небо потемнело до густого серого, снег начал идти большими, редкими хлопьями. По трассе на Бычиху тянулись машины: служебные «буханки», грузовик с клеткой, белый микроавтобус группы Кудрявцева. Водители переговаривались по рации, сверялись с координатами.

Егор сидел в своей машине, в которой пахло мокрой формой, ремнями и металлом. На приборной панели светился закреплённый планшет. Белый регистр отображал лесной массив вокруг Бычихи полупрозрачной сеткой. Маршруты тигра были отмечены яркими линиями, точки перехвата – маленькими зелёными кружками.

В наушнике шёл спокойный голос оператора:

– Группа «Запад», слышно? Подтверждаем развёртывание на точке З-2. Ложбинка у старого карьера. Видимость средняя. Снег усиливается.

– Группа «Юг», здесь, – ответил другой голос. – Вышли к посадкам рядом с озером. Следов свежих пока не видим, но к ночи всё может поменяться.

– Центр, это Савельев, – включился Егор. – Уже на подходе к участку у Бычихи. Свяжите меня с «Севером».

– «Север» на связи, – отозвались через секунду. – Мы встали ближе к дачам. Местные смотрят исподлобья, но не мешают. Собаки во дворах визжат, но их загнали. Ждём гостя.

Егор выключил рацию, оставив только общий канал. Машина выехала на грунтовку, свернула к дачам. Фары высветили знакомые виноградники засыпанные снегом, теплицы, сугробы вдоль оград. У некоторых ворот стояли люди. Кто-то махнул рукой в знак приветствия, кто-то отвернулся.

Он притормозил, опустил стекло.

– Добрый вечер, – сказал он. – Все собаки по домам?

– По домам, – ответила женщина в пуховике. – После прошлой истории мы своих вообще на улицу не выпускаем. Вы его заберёте?

– Постараемся, – сказал он.

Она кивнула. В её взгляде смешались надежда и недоверие.

Он выехал за последнюю линию дач. Лес начинался сразу за огородами. Машина остановилась на опушке, дальше ехать было нельзя: снег, мелкие кусты, овражки.

К нему подошёл Кудрявцев, уже в тёплой шапке, с винтовкой на плече.

– Здесь и поставим машину, – сказал он. – Ты со мной пойдёшь вперёд. Остальные будут страховать.

– По данным регистра, он должен выйти к небольшой поляне у карьера, – сказал Егор, глядя на планшет. – Но это только прогноз. Тигр может решить иначе.

– Потому у нас несколько точек, – сказал Кудрявцев. – И ещё... – он достал из чехла маленькое устройство и протянул Егору. – Очки дополненной реальности. Наши ребята с ними работают. Система подскажет, где он может появиться.

Егор посмотрел на очки. Пластиковая оправка, на дужке – маленький блок, внутри – связь с тем самым зеркальным слоем.

– Не нужно, – сказал он. – Мне хватает того, что я уже вижу на планшете. И того, что под ногами.

– Дело твоё, – сказал Кудрявцев. – Но не говори потом, что техника не помогала.

Он надел очки себе, поднял винтовку, поправил ремень и шагнул в лес. Остальные бойцы двинулись следом, рассредоточившись. Егор включил фонарь, направил луч к земле, чтобы не слепить других, и тоже зашёл под деревья.

Снег здесь был свежий, ещё не успевший слежаться. В мелких просветах между стволами светились огни дач. Дальше – только тьма и тихий шорох падающих хлопьев.

Через несколько минут они вышли к неглубокой ложбине. По дну тянулся замёрзший ручей. На его берегу уже виднелись широкие отпечатки лап.

– Есть след, – сказал один из бойцов. – Свежий. Прямо сюда идёт.

Егор присел, осмотрел отпечатки. Снег в них ещё не успел обсыпаться. Лапы шли спокойным шагом, без рывков. Тигр чувствовал себя уверенно.

Он посмотрел на планшет. Символ Т-247 двигался по карте в точности по настоящему следу. Но поверх обычной линии еле заметно проступала ещё одна, светлее. Она уходила чуть в сторону, к Амурской пойме, на границу с другой сеткой.

– Он идёт не только по нашему лесу, – тихо сказал он.

– Что? – спросил Кудрявцев.

– Ничего, – ответил Егор. – Дальше будет небольшая низина и выход на старую просеку. Там берите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.